

распространении». После вынесения приговора петрашевцам он поступил на утверждение в генерал-аудиторiat. Высшая военно-судебная инстанция пересмотрела смертный приговор ввиду его явного несоответствия степени вины осужденных. Окончательный вывод по Достоевскому был следующим: «Отставного поручика Достоевского, за такое же участие в преступных замыслах, распространение письма литератора Белинского, наполненного дерзкими выражениями против православной церкви и верховной власти, и за покушение вместе с прочими, к распространению сочинений против правительства, посредством домашней литографии, лишить всех прав состояния и сослать в каторжную работу в крепостях на 8 лет» [3].

22 декабря 1849 г. на эшафоте в отношении осужденного Ф. Достоевского и его товарищей был исполнен обряд казни, в последнюю минуту замененный, по «высочайшему повелению», на каторжные работы и службу в армии рядовым. Четырехлетнюю каторгу писатель отбывал в Омском остроге, а с 1854 года служил в Семипалатинске, в 7-м Сибирском линейном батальоне. Хрестоматийными стали следующие слова Достоевского об арестантской роте военного ведомства, в которой ему пришлось служить: «Тут был свой особый мир, ни на что более не похожий; тут были свои особые законы, свои костюмы, свои нравы и обычаи и заживо мертвый дом, жизнь — как нигде и люди особенные» [4]. Примечательно, что при реформировании военно-пенитенциарной системы в период Александра II, законодатели весьма активно использовали, в т.ч. и социологические «наблюдения» Ф.М. Достоевского, нашедшие место в «Записках из Мертвого дома» [5].

Достоевскому возвращают офицерское звание, он, после вынужденного перерыва, возвращается к литературному труду, в 1859 г. — переезжает в европейскую часть страны, а с 1860 г. ему разрешается вернуться в столицу. Вместе с братом, М.М. Достоевским, он основывает журнал «Время» (1861–1863 гг.), на страницах которого появляются богатые девиантологической проблематикой «Униженные и оскорбленные», «Записки из Мертвого дома» и некоторые др. произведения. Вскоре Достоевский создает первый роман из своего «великого Пятикнижия» — «Преступление и наказание». В 1867–1871 гг. писатель, вместе с молодой супругой А.Г. Сниткиной (Достоевской), спасаясь от кредиторов, срочно выезжает за границу, где проводит около четырех лет (преимущественно в Германии и Швейцарии). На этот период приходится рождение «Идиота», «Вечного мужа», работа над «Бесами».

По возвращении в 1871 году в Петербург, Достоевский редактирует журнал «Гражданин», а затем начинает выпускать «Дневник писателя» — ежемесячный журнал, имевший необыкновенный успех у читателей. В последние годы жизни из-под пера писателя выходит роман-исповедь «Подросток» и «Братья Карамазовы». Великим событием всероссийского масштаба становится речь Ф. Достоевского на торжествах, посвященных открытию памятника А.С. Пушкину в Москве (8 июня 1880 г.).

Представляется, что Ф.М. Достоевский не получил сколь либо системных юридических знаний (как, например, А.С. Пушкин), не был приверженцем какой-либо из известных правовых школ. Его философско-правовые воззрения сформировались и эволю-

ционировали под влиянием конкретных жизненных обстоятельств — участия в тайном политическом обществе, каторги и солдатской службы и т.д. По-видимому, определенную роль в формировании социально-правовых воззрений сыграли особенности душевного склада, а также — психического статуса писателя, на что указывают многие исследователи его творчества, в т.ч. специалисты в области медицины [6]. Многие годы тяжело больной, крайне не простой в общении, прошедший в молодости «круги тюремного ада», большую часть жизни проживший в условиях бытовой и семейной неустроенности, вечно — в материальных затруднениях, терзаемый душевными исканиями и человеческими страстями (вспомним, хотя бы десятилетнюю «девиантологическую» зависимость писателя от «рулетки») и видевший в спасительной и искупительной евангельской любви и человеческом страдании — путь к победе над греховностью, к Спасению Души — именно этот уникальный «сплав», возможно, и составляет некий «ключ» к пониманию феномена мировоззрения Ф.М. Достоевского.

Прежде чем обратиться к освещению некоторых «юридических» связей Достоевского, попытаемся понять возможный круг интересов Достоевского в области правовых проблем и смежных с ними социальных наук. Для этого обратимся к реконструированной учеными Пушкинского Дома, но не сохранившейся библиотеке писателя 60–70-х годов XIX века [7]. В ней книги по социально-правовой тематике занимали видное место. Так, только за 1863 год библиотека пополняется такими серьезными и известными книгами, как «Учебник уголовного права» крупнейшего ученого-криминалиста и одновременно столь нелюбимого в дальнейшем им адвоката В.Д. Спасовича, сочинения И. Посошкова. Позднее в его библиотеке оказались научные и художественные публикации известного цивилиста профессора П.П. Цитовича (1842–1912), историко-философские труды профессора-государствоведа Б.Н. Чичерина (1828–1904), брошюры А.Н. Аксакова, посвященные историческому развитию и социальным причинам пьянства; работа Н.П. Семенова «Об адвокатуре в гражданском процессе» (1859); Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, включая Устав гражданского судопроизводства, Устав уголовного судопроизводства; Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями; Учреждение судебных установлений. Возможно, что в распоряжении писателя были Уставы уголовного судопроизводства Германии и Франции. Таким образом, «юридические» фабулы произведений Достоевского базировались в том на солидной законодательной почве. Разнообразным и фундаментальным был и философский раздел библиотеки.

Ф.М. Достоевский и юридическая Россия 40–70-х годов XIX века. Известна характеристика «гражданской» позиции Ф.М. Достоевского-писателя в отношении права, данная ему «передовой» российской общественностью XIX века и тем самым закрепившая за ним одно из первых мест (вместе с Л.Н. Толстым) в «лагере» сторонников «антиюридизма». Представляется, что Достоевский олицетворял точку зрения и взгляды на суды и судебную реформу в целом той части русской интеллигенции, которая демонстрировала распространенную неприязнь к представителям судейской профессии как бездушным бюрократам, с не характерной для